An impressionistic landscape painting in shades of grey, blue, and green, with visible brushstrokes. The scene depicts a wide, flat landscape, possibly a field or a plain, with distant hills or mountains under a cloudy sky. The foreground shows some green grass and a dark, possibly wet, surface. The overall mood is atmospheric and somewhat somber.

Олег
Рубанский

Элегия
дождя

СТИХИ

Олег РУБАНСКИЙ

Элегия дождя

СТИХИ

Киев 2023

ЭЛЕГИЯ ДОЖДЯ

* * *

Не спеши ты с юностью прощаться.
Жизнь – река, ей нужен твой ручей.
Не старайся выглядеть взрослей,
не пытайся зрелым показаться.

Годы протекут. И не вернёшь
дней далёкой юности прекрасной.
Век просуетишься – всё напрасно.
И обратно в реку не войдёшь.

Голубые дали детства

Каждый день, каждый час
нас зовут куда-то голубые дали,
как маленький кораблик в океане,
как маленькую тучку в небесах.

Каждый день, каждый час
мы живём счастливыми мечтами.
Держит путь душа за чудесами
в дали, незаметные для глаз.

Каждый день, каждый час,
даже если взрослыми мы стали,
эти голубые наши дали
всё зовут в неведомое нас.

* * *

Я распрощался с милою рощей,
детство оставил в берёзовых далях.
Тонет в предчувствиях сердце и ропщет –
быть неизбежно во всех печалях.

Вдаль от родного перрона мчится
поезд, время считая на стыках.
Веки закрою – родные лица...
А наяву всё, мне кажется, – дико.

Ветры проносятся над головою,
пылью припали далёкие звёзды,
на́ сердце скверно, в душе беспокойно,
заперт, как в клетке. И мчится поезд.

И ничего изменить невозможно.
И навсегда уже нет мне покоя.
Всё предначертано и непреложно.
Вьётся дорога упрямо и сложно...
Что ж там в душе моей плачет – другое?

1983

Житомир

* * *

Ветер осенний листок закружил,
бросил в вечерний холодный мрак.
Лето прошло – вот и жизнь прожил.
Неужто и с нами так?

Ночью дождь стучится в стекло,
ветер бьётся крылом.
Под одеялом хоть и тепло,
но так неуютен дом.
Утром сад мой мрачен и пуст.
Капли свисают с ветвей.
Мёртвой листвою минувших дней
Усыпан куст...

* * *

Вот и декабрь.
Ветер простуженный.
Скверик пустынный продрог.
В белой метелице осень минувшая
носит последний листок.
Голое дерево гнётся устало,
грезит о тишине
за облаками.

А небо упало,
бродит по грешной земле...

В серое утро, в сутробы глубокие
спрятался прошлый стыд.
Только под деревом снежного скверика
листик, как память, лежит.

Птица-дэвица

поэма-феерия

Плыл эхом звук в начале сна,
как дальней флейты глас.
И знал я: птица есть одна
с девичьей синью глаз.

В глуши древлянской средь болот
та птица-дэвица живёт.
И человек о ней не знает,
не слышит как она поёт,
так, будто страстно призывает,
и как природа замирает,
едва вздыхая: Он придёт...

И знал ещё: лишь я один
тот различаю зов,
и над собой не господин,
был к ней идти готов.
Что это? – плод моей мечты,
рождённый из ночей?
Любимой видел я черты
и мир её очей!

Как сердце бьётся! Всё сильнее –
скорее к ней, скорее к ней!

Потом в стремительном вращеньи
пространства сна перемешались,
и я упал в изнеможеньи
не зная где. За мной смыкались
глухие чащи. Но гляди:
болото было впереди.

И помню тишь. Она нависла
над головой неразрешённо.
Рассвет едва забрезжил сонно.
Я ждал.
И вдруг –
о, Боже!..

В жизни скучной
такое всё ещё бывает,
когда в тревоге ожидаем
немыслимого чуда мы.
И если чудо возникает,
то потрясает! Потому что
никто судьбы своей не знает –
за дверью тьмы.

Я видел птицу. Как знаменье
беды в мой сон она влетела,
спустилась в травы и запела –
бледно сравненье – горячо.
Я долго слушал в изумленье
и пребывал в оцепененье.
Потом обмякло моё тело
и тень упала на плечо...

Но крик в сознании пустом
встряхнул меня. Раздался гром.
Сверкнула молния с небес.
Миг – и в огне – болото, лес.

Огонь, огонь со всех сторон!
Я им пленён и обречён.
«Проснись, – кричу себе, – проснись!»
И слышу зов: «Приди! Вернись!»

Любимый, ты меня забыл!»
Я вижу птицу. Но без крыл.
Огонь коснулся птичьих перьев
и тело девы обнажил.

И к ней, пылающий, сквозь ад
я бросился, и наугад
бежал, схватив девичье тело,
пока моё не опустело...

Потом мы в небо вознеслись
и там в единое слились.
Но было жарко – в самом деле –
я жил в чужом каком-то теле,
которым птицу обвивал.
Вскипела страсть.
Был вечер ал.

А птица плакала, смеялась,
и так, ласкаясь, говорила:
«Как долго я тебя боялась!
Как больно я тебя любила!
Теперь с тобой мы оба – птицы!
И прошлое не повторится».

«Но я же сплю, – я ей сказал, –
ведь я проснусь».
«Но ты уж стал, –
она прижалась, – мой желанный, –
(и тут проник я в морок странный) –
моим подобьем. Бездыханный
вон труп того, что было – ты».

И я на землю с высоты
взглянул, и смерти ужаснулся.

И стал я в страхе падать вниз.
За мной несло: «Вернись! Вернись!..»
Но было поздно – я проснулся.

1983

Олевск – Житомир

* * *

Одинок, смятён и просто жалок,
как себе не нравлюсь в день иной!
Будущее скрыто за стеной.
Ну, а я – разбитый и усталый.

Нет бы, побережь остаток сил,
чтобы вверх вскарабкаться хватило, –
глупо трачу их на то, что было,
будто ничего не пережил...

* * *

Осенним вечером дождливым, сумрачным
я брёл куда-то безлюдной улицей,
и струи серые неслись навстречу мне,
и угловато дома раскачивались,
на плечи падали, совсем как пьяные...

* * *

Моя судьба, простой ты мне не снишься,
хоть чувствую: в душе я человек простой.

* * *

И присно, и вовеки светел мир, когда
добро творит, добро мечтает, любит...
Но кто-то, вовсе не вложив труда,
в мгновенье всё прекрасное загубит.

* * *

Что бы было, если бы наши убеждения
неподвластны стали страхам и сомнениям?
Ой, какие были бы страсти и сражения!
И никто не скрылся бы от уничтожения.

* * *

Там, где не поднят, лежит он по-прежнему,
из толпы в меня брошенный камень, –
живу.

 Не толкаясь локтями,
иду, как по миру негрешному.

* * *

Как тревожны все пути и опасны,
если помыслы чисты и прекрасны.

* * *

Непросто жить, мой друг, не изменяясь,
не делать хитроумного лица.
Опасно, право слово, как ни зря есть –
перед кем-то быть открытым до конца.

А если этот кто-то выше чином
и на тебя от злобности сердит,
то на беду отыщется причина.
Кто, брат, небережёных защитит?

Но малодушье – кланяться в угоду –
черта не тех, чьей чести не отнять.
Ты ж знаешь прихлебателей породу
и перед нею сможешь устоять!

И вот тогда порою льстит чинуша,
то вдруг с благодеяньем подойдёт...
А всё равно он в сети ловит душу,
и нить прядёт,
и точит зуб,
и ждёт...

* * *

Как любим мы произносить
с трибун торжественные речи.
От них нам жить, конечно, легче, –
и речи тут не может быть.

.....

Я у трибуны – значит, я
живу достойно, мыслю здраво;
пусть кто б я ни был, для меня
трибуна – честь, трибуна – слава.

Уйти от мелочных хлопот,
очистить совесть от сомнений...
И жизнь красиво потечёт
в страну партийных убеждений.

Чтоб жизнь счастливую прожить,
моим словам внимайте, люди;
и легче вам, и лучше будет,
коль будете меня любить.

А крикнет кто-то из толпы,
что я безликий и убогий, –
ну, что ж, раз нам не по пути,
я уберу его с дороги.

Тот, кто не с нами – против нас.
А мы должны идти далече.
Блажен, кто верит, не переча,
что дело масс – наш светлый час.

1984

* * *

...А есть ещё, брат, мудрецы –
от быдла до интеллигентства –
езде у них мандаты, членства,
повсюду схвачены концы.

* * *

Зазря корить себя грешно –
мол, я изгой и я без права...
Что ж, пусть карман твой беден, но
живи, не мудрствуя лукаво.

На параде

Они всего лишь фанфаристы.
Что им невольный фанфаризм?
В фанфары дуют фанфаристы:
«Свобода! Братство! Коммунизм!»

* * *

Вообще-то я был бы не против...
Я, может, в душе – коммунист.
Но вижу – вы всё переверёте.
Вот я и скрываю, что чист.

* * *

Сколько проходит народа,
сколько тревог и надежд...
А сброда, а всякого сброда!
Чу! Близко эпоха невежд.

Гадание

– Выпала дорога – дальний путь.
Впереди – неведомая жуть,
пустота, край света, ни следа...
Ты и не поедешь никуда.

Сумасшедший

– Я могу, я должен мир спасти от бед!
Я один на свете не имею страха!
Выпустите! Выпустите!! Выпустите!!!
– Нет.

Самоуверенность

– Тот, кто придумал, что мудрость
сродни одиночеству,
был просто смур.
Ведь я, например, не терплю одиночества, –
а мудр.

Жизненное

Когда, пресытившись гостями,
Ваш друг спешил, гремя костями,
Вам дверь радушно отворить
навстречу смрадному подъезду, –
шагали бодро Вы сквозь бездну,
и не жалели ни о чём,
плывя к унылому постюю.
В желудке пенится боржом...
Но было главное – жаркое.

Баба Зина и трепачи

досада

Звонари, трепачи и прочие
правду-матку резать охочие,
собрались недовольною сворою
перед главной нашей конторою.

И вот эта толпа интересная
ну роптать, что начальство – бесчестное:
«Мы, – мол, – все тут стоим на довольствии,
а нам отказывают в удовольствии!»

Больше всех кричал Костя Сальников
и по-трезвому матюкался:
«Растаких позовите начальников!
Врастакую народ заждался!»

И тут раскрылась дверь магазина.
И тут вышла к ним уборщица баба Зина.
«И что вы тут собрались, – говорит, – трепачи?
И ты тут хоть кричи, – говорит, – не кричи, –
водку завезут только в среду,
и то не к утру, а к обеду».

Все с досады плюнули.

В поезде жизни

Тщеславье, деньги, жадность и билеты...
Поедем «зайцами», друзья с подружками?
Нам место в тамбуре, с вином и кружками,
с гитарой, песнями...

Дела – табак. И в дыму Отечество.
Луна, как Авель, глядит помешанно.
А мы – отдельное человечество,
клянёмся в дружбе на веки вечные...

А поезд жизни всё мчится бешено...

1983

* * *

Повсюду зыбь и всюду хмарь.
Всё – брэнно...
Но вдохновенно
светит одинокий фонарь
в тёмном углу Вселенной.

Старик и парус

«А он, мятежный, просит бури...»

М. Ю. Лермонтов

Ночь штормит, воеет демон жестокий,
море на берег рвётся сквозь крик.
Среди туч на скале высокой
одиноким стоит старик.

Смотрит вдаль. Там, среди молний, в отсвете,
трудный с вечностью бьётся вопрос:
Для чего?..

А порывистый ветер
треплет ключья седых волос.

То ль в бессилии, то ли в обиде
жизнь прошла. Ему чудится: в море
гибнет парус мятежный, гибнет,
со стихией отчаянно споря.

Ветер круче, а море всё злее,
всё черней небеса от земли.
В море призрак едва белеет,
точно парус, теряясь вдали...

Ночь прошла. Тихий свет от Востока
лёт покой на пустой материк.
Среди круч, на скале высокой
бездыханный лежит старик.

1982

На кладбище

Время летит. Стрелка уставшая
даже не чувствует миг.
Душу знобит мысль набежавшая:
Всё, всё тщета, старик...

Виден ли смысл за эпохами пыльными,
сквозь жадобу их и обман?
Кто здесь лежит под камнями могильными?
Не тем же ли был обуян?

А сколько ж вас было – честных, отвергнутых,
узами спутанных, веком загубленных,
влюблённых, ранимых, мечтателей, скептиков?..
Сколько же всех нас – затерянных в вечности...

* * *

Мы вдохновляемся ветрами,
ветрами буйными – и лица
глядят разбитыми следами.

Мы вдохновляемся ветрами,
сквозь бездну слёз в мечту живую
зрим воспалёнными глазами.

И пусть они порой бушуют –
мы вдохновляемся ветрами,
из дымных углей возгораясь.

* * *

Вся жизнь – театр... А в зале пусто.
Вернее, зрителей не много –
раз, два – обчёлся.
А на сцене актёров – даже слишком густо.
Вон режиссёр взирает строго:
не то сказал, не так прошёлся –
следит за всем.
Спектакль в разгаре.
Круговорот знакомых действий и вечных тем.
Один певец, второй певец.
А третий, видимо, в ударе.
Ну, что тут скажешь – молодец.
Он к роли рьян.
Но всё – обман.
Ах, если б только мне дали выйти в этой роли –
на что мне роль?
Тут впору зарыдать от боли.
Да где ж в нём боль?

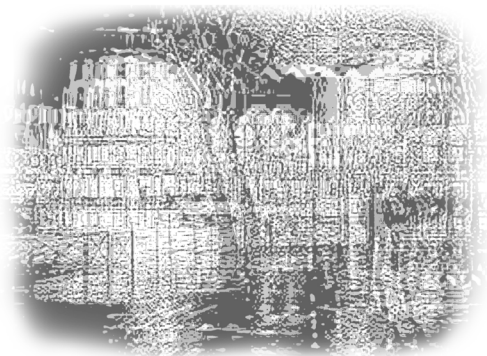
Вся жизнь – театр.
И я, как зритель,
к воображаемому чуду:
«Артист Рубанский, выходите!»
...Нет, не хочу.
Ну кем я буду
в театре, где судьба моя, как роль,
чужому отдана?

* * *

Вчера я тебя увидел опять.
Опять случайно и совсем некстати.
Вторая случайная встреча,
которая заставит меня сегодня
вновь бродить по вечернему городу.
Среди множества лиц
я буду искать твоё.
И я бы смог подойти!
Но почему-то знаю:
мне тебя никогда уже не встретить.
И странно мне идти в пустоту.
Но я иду...

* * *

Стою у окна.
Оно двойное – два стекла.
За ними виден весь вечерний город
сквозь отраженья грустные мои.

* * *

Вот снова дождь.
И душа моя птицей улетает в серые дали.
А глаза мои, утомлённые солнцем,
глядят отрешённо в мокрое пространство двора.
Капли дождя бьются о стекло,
стекают, будто пытаются смыть вечерний сумрак.
Но сумрак всё сгущается, сгущается...

И трудно состоянье передать –
как исчезают капельки-мгновенья.
Душа далёко.
Всё же, наблюденья
оконных будней можно обозначить
хоть в двух словах.
Когда-нибудь прочту. И вспомню ощущенья
далёкой от реальности души.

Прелюдия к дождю

Я слышу музыку.
Она, грустная и нежная,
неизвестно откуда льётся;
то плачет, то смеётся,
навевает ощущение прошлого, пережитого, ушедшего.

Я слышу музыку.
Июньский зной застыл в вечернем безветрии.
Ни движения в природе, ни звука.
Только эта музыка...

Но вдруг начинает меркнуть свет,
и прежде чем я успеваю понять, что происходит, –
внезапный, подобный морской,
обдающей тебя всего, волне – ветер
врывается в распахнутое окно.
Откуда-то доносится звон разбивающегося стекла –
«Ах!...»

...И так уже было когда-то.
Я помню и этот вечер, и этот ветер, и этот звон.
И оглядываюсь назад – в прошлое.
Понимаю, что пройдено не так уж мало.

Всматриваюсь, всматриваюсь в даль...
Там чистота детских чувств,
там всё ещё впереди,

и ещё мечтаешь вечно любить,
и неведома горечь лишений.
Вдруг вернулся тот мир ощущений!
Невозможно всё это забыть.

Всматриваюсь, всматриваюсь в даль...
Сумрак. Ветер...

Вспышка молнии! Ливень! Гром!
Поскорее покинуть дом!
Руки – к небу! Какое счастье!
Я и дождь.
Вечный дождь.
Чистый дождь...

1982

* * *

Мои дожди, прошедшие когда-то,
и ближе – до вчерашнего дождя,
я вас любил, я помню наши даты,
вы были – откровенья и утраты...
Похоже, это время, проходя,
меня, в порыве нежности, жалеет
порой... И это – дар, и надо мной
льёт слёзы, потому что не имеет
предела. И прощается...

Элегия дождя

Я так хочу, чтоб ты ко мне приехала.
Прошу у поездов, чтоб ты приехала.
Все мысли о тебе, чтоб ты приехала,
приехала, приехала, приехала...

А вдруг и ты меня там где-то тоже ждёшь?..
Но здесь со мною ждёт тебя наш прошлый дождь.
Ночами слышу шелест в тишине:
«Ты всё-таки приехала ко мне.

Ты всё-таки забыла о других.
И вновь так близко: сон ресниц твоих,
твой жаркий шёпот, влажные уста...
Твоя любовь, как в юности, чиста.

Ну где же ты, когда мне так темно,
когда роняю слёзы на окно?
Они мерцают в щёлке меж гардин.
И я один. И он совсем один...»

1983

Из юности

Ты помнишь первый год?
Его нельзя забыть,
как то, что не могло
для нас двоих не быть.
Из щели – света луч.
За дверью – топот ног.
И на столе листок,
исчёркан, но певуч.
Как голос твой во мне,
а мой в тебе звучал.
Как тени на стене
ночной дурман качал.
А за окном – ручьи.
А за окном – весна!
И мы с тобой – ничьи,
скользим над краем сна –
из вдохновенных чувств
в счастливые грехи,
в сорвавшиеся с уст
те, первые стихи.

Песенка о кораблях

Корабли покидают причалы и тают вдали.
Провожают их чайки, крича: «В добрый путь,
корабли!»

Ну а я на пустом берегу всё во след им гляжу.
Это я ухожу...

Корабли, корабли всё идут неизвестно куда.
От земли до земли пролегает пустыня-вода.
Но мне хочется верить: корабль мой не пропадёт –
свою землю найдёт.

Корабли, корабли
исчезают вдали
и прощальные дарят гудки.
Корабли, корабли,
от земли до земли
расстоянья, как жизнь, велики.

1982

Ещё одна песенка

Разные, разные люди, очень разные,
у всех есть свои мечты, беды и радости.
И каждый себе выбирает дорогу;
да стало бы силы вернуться к порогу,
где горя не много.

Минута застыла,
и ты вспоминаешь – что было,
как жизнь тебя рвала и била,
как сердце любило.

И память уносит в открытое море
твой парус мечты. И звезда над тобою.
И нету покоя.

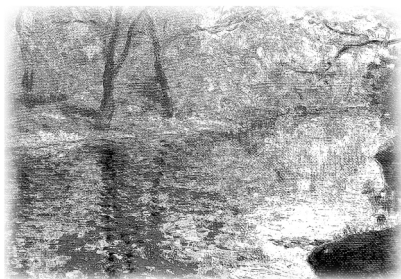
А звёзды проплывают над землёю,
как корабли в открытом море.
Их разделяет время и бескрайние просторы.
И ты пронзаешь небо взором,
и думаешь, что все мы – в море,
что все мы – капитаны кораблей.

Печалинки

Вот и всё, позади моё детство весёлое,
не вернуть, не забыть, не понять.
Для чего мне дана моя молодость?
Чтобы так же о ней вспоминать?

Зрелость близится беззастенчиво,
видит: многое не сбылось.
Но всё косвенное – изменчиво
и с душой существует врозь.

Это всё – пустыки, печалинки.
А что в зеркале – то не в счёт.
Я всё тот же, хороший, маленький...
И не слышно, как жизнь течёт...

* * *

Когда рассвет из бездны вод прольётся
на землю спящую и волнами забьётся,
когда из глаз метнётся чернота, –
услышу, как сильнее сердце бьётся!
И что тогда кошмаров маета?

Душа одна умчится ввысь куда-то.
Шепчу во след молитвы ей, крылатой.
И вновь забывшись, вижу звёздный сон...
И наконец, покинув небосклон,
хочу понять всё то, что непонятно.

* * *

В городской толкотне люди мечутся,
в их толпе я тихонько бреду.
Мы с тобою должны где-то встретиться.
Неужели тебя не найду?

Между нами всё чётко размечено,
мы почти уже на виду.
Если нынче с тобою не встречусь я,
может, завтра тебя найду?

Только снова увозят троллейбусы
полночь в за полночь, и в мечту
нашу встречу. Дороги – ребусы...
Через годы, но я прочту

эту тайну судеб и случаев.
Ключ волшебный – весь белый свет.
Или зря я себя так мучаю
день за днём – уже тысячу лет?

Провинциальная песенка

Двигутся, движутся пары
по вечернему бульвару.
Где-то в сумраке вздыхает
чья-то тихая гитара.
Подойди, постой, послушай, –
может, тронет песня душу,
и слегка провинциальный
голос за сердце возьмёт.

Двигутся, движутся пары
по вечернему бульвару.
Майский дух вовсю витает,
тёплым сумраком объят.
Чья-то тихая гитара
всё играет и играет.
Он поёт о том, что знает.
Видно – юн и небогат.

«...Каждый ищет себе утешенье,
всяк живущий своё понимает,
каждый умный во власти прозренья,
а душа без любви погибает...»

Одинокая гитара,
ждёшь кого ты у бульвара?
Кто придёт к тебе на встречу,
станет, будто на краю?..
Как такая выйдет штука,
что, не проронив ни звука,
кто-то будет целый вечер
слушать песенку твою?

1985

Житомир

* * *

Любимая! Беспмятно. Напрасно...
Но как воображение прекрасно,
когда по ночам сквозь сутолоку видений
проступает твой образ.
И я чувствую твоё дыхание, дрожь тела,
губы и волосы, пахнущие дождём,
лёгкое и нежное прикосновение твоих рук...
Я люблю тебя до боли,
до рвущей душу боли!
Желание тебя – как поле,
под адским зноем ждущее дождя.
Любимая! Беспмятно. Напрасно...

* * *

Прошла весенняя оттепель.
Деревья зелёными косами,
свежими, красуются.
А вчера ещё были голыми...

Мало ли что может быть завтра?
Завтра, может, наступит лето.
А сегодня уходит весна...
Думай, гляди во все глаза,
только не спрашивай: «Что же это?!»
Право, не знаю я.
Но песенка наша – спета.

1984

* * *

В сгущённой вечерней мгле –
белый круг:
фонаря безразличное око.
Тень на облезлой стене –
сам-друг.
Одиноко.
Где витает мой дух,
брошен, как брошено тело?
Упал тополиный пух.
Ты улетела...

* * *

Когда вечер лицо твоё спрячет
в воротник свой, в сумрак таинственный,
вспомнишь ты, как влюблённый мальчик
целовался с тобой, единственной.
Как всю ночь напролёт за окнами
дождь шептался с листвою юною...
Добрый вечер тебе, далёкая,
увезённая за фортуною.

Знать бы мне лишь одно: ты – счастлива?
Я хочу, чтоб была ты счастлива.
Так же счастлива, как тогда...
Не вернуть. Не забыть никогда.

1984

* * *

Ночь кружит над городом.
Фонари глядят.
Небо снежным воротом
укутало сад,
белым пледом покрыло
старую скамью.
Здесь всё уже позабыло
ту весну мою...

* * *

Пишу тебе письмо. Зачем? Не знаю...
Чтоб вспомнила меня, шепча: «Не может быть!»
Чтоб знала: я тебя, мой друг, не забываю.
Тебя нельзя забыть.
Нельзя забыть.

Чтоб, голову склонив, ты также загрустила
и, всматриваясь в ночь, курила в темноте.
Чтобы под шум дождя припомнила – что было,
увидела, как я пишу письмо тебе...

* * *

Помнишь? – тополиным пухом
осыпало наши плечи...
В той любви и в тех тревогах,
может, ты ещё живёшь?
И когда-нибудь приедешь
в город юности далёкой.
И по улице знакомой
тихо ты пройдёшь.

Помнишь белые метели
и весенние капли?
Всё, чего мы так хотели,
может, было в самом деле?
Помнишь преданного друга?
Ждёшь его из ниоткуда?
Разве он тебе не нужен?
Разве ты в него не веришь?

Мечты, мечты, мечты...
О минувшем мечты.
Печальные мечты.
Ты в них живёшь,
счастливая.
И ты
придёшь из суеты
туда,
где нас уж нет,
но ты придёшь.

И кто, и кто поймёт,
как ты за годом год
чего-то ждёшь,
а жизнь идёт?
Там каждый взгляд не тот.
Там больше не живёт
твой старый друг.
И кто тебя поймёт?

Мечты, мечты, мечты...

Памяти В. Шукшина

Потерплю чуток – и в деревню,
отшибную, в самую глушь.
Буду слушать родную землю;
ни дельцов тебе, ни чинуш.

Воля честная, будь как ветер,
не иди к суете в залог.
Лишних радостей нет на свете,
если есть для них уголок.

Как хочу причаститься к чуду
в час божественный первой звезды –
в баньке веничком париться буду,
поддавая для жару воды!

Лучше хмеля душе не надо,
грей озябшую душу, грей!
А изведав такую усладу,
ты не можешь не стать добрей.

Светит месяц над сонною рощей,
запах трав в вечерней тиши.
Даже птицы запели проще
песни нежные для души.

От реки чуть струится прохлада.
Вздохом сдёрнута сомкнутость губ...
Терпишь, ждёшь... А в душе нет лада.
Неприкаянность. Свет не люб.

В витрине

Вот прошёл неприметный прохожий,
на других неприметных похожий,
весь из той же материи сшит;
и другим уже быть не может,
и эпохою пережит.

В этих буднях, в мелькающих лицах
он и сам норовит сокрыться,
раствориться, с толпою смешаться...
Он и мне б не хотел примелькаться.

Ну, а я в этой душной витрине –
только жалкий мазок на картине,
о которой – не помню дня,
чтоб никто не сказал: «Мазня».

1983

У подъезда

На улице зябко и хмуро.
В сумраке стыннут деревья.
Ты кутаешься в пальтишко.
Скрипочку держишь в руках.
Скованность, нерешительность...
Ах, время! Уходит время!
Ты говоришь: «Уже поздно».
И я ощущаю страх.
Дай мне озябшие руки!
Что для тебя мне сделать?
Но ты говоришь: «Уже поздно».
И, скрипку обняв, бежишь.

* * *

Я не пьян и сам сойду с порога.
Не держи, прошу, пусти же руку.
Неужели ты была недотрогой,
моей маленькой девочкой глупой?

Что с тобою будет? Что со мною будет?
Кто теперь разбудит вновь любовь мою?
Мне не надо друга. А он – к твоим услугам.
Так что всё в порядке. Я ушёл. Адью.

Прощание

Прости меня. Не уходи так – вдруг.
Когда мы встретимся ещё? – не знаю.
Побудь со мной, не исчезай.
Да, в жизни всё бывает.
Но ты сама сказала: я твой друг.

Испытывать судьбу уж недосуг.
Приемлю всё, коль нет добра без худа.
Торопит за полночь,
но время есть покуда.
Побудь со мной, не уходи так – вдруг.

Дай, я прижмусь к заплаканной щеке;
для памяти и этого не мало.
Журавлика в руке ты всё же подержала.
Живи теперь синицею в руке...

Быть может, я в иных глазах – не тот;
для всех хорошим быть ведь, право, странно.
Но я любил тебя всегда, и ты была желанна –
ты вспомни!.. И пока не увезёт
тебя последний в полночь трамвай,

свой поцелуй губам моим отдай.
Жаль, что бы мы сейчас ни говорили,
не отвратит последнего «Прощай».

Молчи, молчи, не надо больше слов.
Ведь я ещё к разлуке не готов...

* * *

Ты не говори, что всё напрасно,
что любовь – предвестница разлуки.
Видишь – настоящее прекрасно!
А неверье связывает руки.

Выпадет ли трудная дорога,
станет ли испытывать чужбина...
Но всегда прекрасное – от Бога!
Принимай и радуйся, Ирина.

* * *

Домик невзрачный, пустынный приют,
воет за окнами стужа...
А где-то верят в меня и ждут.
Счастье, когда ты нужен.

Знаю: есть ты, моя радость и боль,
грусть моя и надежда.
Верю в тебя и в твою любовь,
верю, родная, как прежде.

И ожиданием сердце скрепя
в час этой трудной разлуки,
вижу тебя, осязаю тебя,
целую глаза твои, руки...

* * *

Мне сказал мудрец, что я
ничего не значу в этом мире;
я хозяин лишь в своей квартире,
да и то, квартира – не моя.

Может всё мудрец, а я, простак,
всё мечтаю вровень с ним подняться.
Равные права мне только снятся,
а ему не видятся никак.

Он по жизни – меток и хитёр,
для него я, вроде, – не задача.
Думает меня переиначить
в образец ему привычных норм.

Знает он «высокие» слова,
у него на месте голова.
Ну а мне – куда там до него? –
на земле не значу ничего.

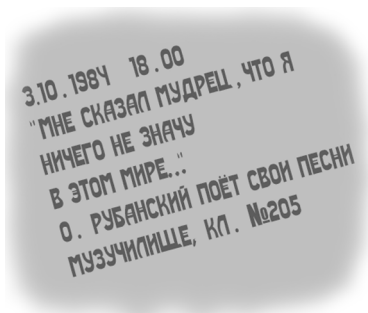
...Но сказал мудрец, что есть
для меня, представьте, утешенье:
Счастлив тот, кому досталась честь
жить в такой стране, в такое время!

«Так что, знаешь, умник, – говорит, –
ты пойдя, послушай, – говорит, –
посиди, подумай» – говорит.
Бедному студенту говорит.

Я пошёл в собранье. Он вещал,
счастье всем земное обещал.
Но, без веры, счастью не чета,
я сидел, не знача ни черта.

И вчера, и нынче – всё слова.
Прямо Дом Советов – голова.
Ну а я, с моим-то языком,
так вот и остался ни при ком...

1984

В оркестре

*Не сразу пришло мастерство
к молодому сапёру*

Афоризм

Музыканты в оркестре глядят с напряжением в ноты.
Дирижёр – неприступен в своей высоте бастион.
Вновь в атаку идут скрипки, флейты, кларнеты, фаготы,
трубы матики гнут, плоско шутит весёлый тромбон.

В этот раз я пропал:

снова в такт не попал,

мне не сладить с оркестром.

Все умчались вперёд. Я боюсь поглядеть на маэстро.
Мне и чёрт ни по чём! Но впервые – ехидное: «Но, ты!».
И смеются – тромбон, скрипки, флейты, кларнеты, фаготы...

Снова бой! Снова гибельный смерч над моей головою.
Снова страсти сплетаются в сети коварных интриг.
Снова машет суровый маэстро мне властной рукою.
И опять, уличённый, я к нотам в испуге приник.

Неудача! Позор! Я не стою и мелкой монеты!
Дирижёр, хоть и бог, – да не все перед богом равны.
Вновь в атаку идут скрипки, флейты, фаготы, кларнеты...
В этот раз всё в порядке! Я счастлив до мокрой спины!

.....

Трудно, трудно, как проза...
Эх – судьба «виртуоза».

1984

Песенка про чёрную кошку

Перешла дорогу мне чёрная кошка.
Хитро улыбнулась, довольная собой.
Может, просто я уже чокнутый немножко?
Может, это кошке я кажусь такой.

Кошка бед не ведает, не грустит, не плачет.
Оттого-то у неё хвост всегда – трубой.
А меня преследуют одни лишь неудачи,
лишь одни страдания завладели мной.

По ночам – видения страшные и злые,
всё вокруг мерещатся чёрные коты.
Ах, уже не снятся мне дали голубые
и душа трепещется в лапах суеты...

С той поры, за годом год, триста лет промчалось.
Всё, что было-нё было, поросло бильём.
Сотою дорогою я миную шалость,
верю суевериям, не шучу с огнём.

Сон мне страшный: ждёт меня на дороге кошка,
думает, как прежде: «Где ты, дорогой?»
...Нет, она давно уже на другой дорожке,
где, мечтая, ходит чокнутый – другой.

Песенка о Законе Ньютона

Великий Исаак Ньютон
развевал древние сомненья,
когда открыл однажды он
Закон земного притяженья.

Так, значит, вот она – Земля –
магнитный шарик под ногами.
А мы, на шарике живя,
все ходим книзу головами.

Закон, признаться, хоть куда!
И всё на месте, и наука.
Но всё же, всё же, вот так штука –
всё кувырком! Вот это да!

Песенка-авиазарисовка «Магадан – Москва»

Под нами – целый материк!
И облака, как будто сказочные девы.
И небо синее. И будто Божий лик,
всё время слева солнце, слева солнце, слева.

Кто от восторга словно влип в окно.
А кто трепещет, притворяясь неумело.
Ну, а кому-то просто всё равно.
А солнце слева, солнце слева, солнце слева.

Сосед мой сник, блуждает взгляд,
он вспомнил Господа и ждёт святого гнева,
готов уверовать во всех святых подряд.
А солнце слева, солнце слева, солнце слева.

А вот товарищ, он объездил весь Восток,
там у него в коробках рыбная консерва,
оленья шкура, сувенирный рог...
И всё – налево, всё налево, всё налево.

Вон гражданин, чей злейший враг – «Аэрофлот»,
где все обманщики, грабители и стервы;
ещё в Хабаровске он понял это верно,
когда семь дней не выпускали самолёт.

Он спит тревожно, вздулись вены на виске,
бедняге снится чей-то заговор, измена,
что самолёт вошёл в смертельное пике...
А солнце слева, солнце слева, солнце слева.

Так мы летим который час подряд,
земных мечтаний короли и королевы.
А небо синее, и будто Божий взгляд,
всё время слева солнце, слева солнце, слева...

Песенка-тост

Чья-то жизнь чертóвая, плёвая, дешёвая,
чья-то жизнь прекрасная, ясная...
А моя – фартовая, словно безголовый я.
Ну да ладно, лишь бы не напрасная.

За меня хоть что-нибудь стоит ли закладывать,
за столом хмельные чаши подымать?
Думаю, уместнее вовсе не загадывать
о прекрасном будущем, чтоб не рисковать.

Раны не залечены, а проблемы вечны ведь,
а Фортуна встречному – кукиш, «се ля ви»...
Да если бы по жизни все шли путями млечными,
знали б мы, сердечные, радость от любви?

Выпьем же, друзья мои, за любовь до доньшка!
Пусть она, хоть и горька, но всёж-таки пьянит.
Выпьешь стопочку одну, поглядишь на солнышко...
Можно выпить даже две. Солнышко простит.

Надпись в двухчастной форме на обороте фотографии одной юной особы

1. В Париж – В. В. Маяковскому, о сущности всё той же любви

Владимир Владимирович, Вам пишу письмо я...
Верю, что в Париже женщины особые.
Пишете: могу ли я совладать с собою?
А Вы как считаете? Сможете – попробуйте!

2. В том же духе

Кто валяется пьяный в стельку
у своей судьбы под забором...
А тебе – режим постельный
доктор выписал без разговора!
А мне – плевать на диагноз первичный,
на какое-то там заключение:
я тебе на кровати скрипичной
назначаю своё лечение!

**Песенка про Маню
по прозвищу «Житомир – Кострома»,
или Монолог подвыпившей женщины
возле пивбара «У тёти Брони» в Житомире**

Сколько смеха вокруг,
эхов, ахов, охов!
Мне ж – одни страдания.
Всё же, почему
ему так хорошо,
а мне так плохо, –
что пустила парня я
к чести и уму.

Эй, прохожий, постой,
погоди минутку,
разъясни мне ясней,
а то я не пойму:
он доволен собой,
я ж – как проститутка.
Хошь, стану я ей
и назло яму?

Я – чува, может быть,
или просто чокнутая,
пила и пиво,
и водку, и коньяк.
Ох, ему – просто жить,
а я вышла проклятая.
Зачем, отчего
он со мною так?

Будь спокоен, дружок,
и не надо вздохов.
Мне к тебе желания –
аж, пардон, нема!
Ну, иди хорошо.
А я пойду плохо.
А зовуся Маня я
Житомир – Кострома!
У-ух!..

1985

* * *

Дни проходят, отлетают снами.
Ждём весну. Пусть вновь вернуться птицы;
те, кого мы любим, будут с нами
и беды с друзьями не случится.

Пусть в руках не оскудеют чаши
и поют доверчиво гитары.
Так ли быстротечны годы наши?
Сколько лет! А, правда, мы не стары?

Что же мы грустим?
Ах, брось, ей-Богу!
Будем? – «Будем!»
А потом – в дорогу...

А юность уходит...

Когда ты устал, а дорога ещё далека
и хочется верить, что главное всё впереди,
где взять тебе духа, чтоб не оскудела рука,
и силы, и воли, и веры – подняться – «Иди!»

Счастливая осень давно откружила листвою.
Последняя юности осень. И зимние сны
сменили её... Но потом...
Ах, ты вновь сам не свой,
и полнится грудь ожиданьем грядущей весны!

Грядущее – вера. А прошлое – память и боль.
Ты слышишь? – хранит ещё эхо твои шаги.
Вот снова приходит стремление,
и снова приходит любовь!
А юность уходит, уходит...

Последняя ночь на квартире

В нашу комнатку входит несмелой
тенью ночь бесприютной тоски.
Без тебя. В тишине опустелой,
как похмелье, сдавившей виски.

В сером сумраке струны вздыхают,
одинокие бродят сны,
и цветы лепестки роняют,
и уже не вернуть весны.

Как дышало здесь всё любовью!
Слёз счастливых исполнен был
взгляд твой нежный, когда приносил
я цветы к твоему изголовью.

Здесь играли шалуны-свирели,
страсть вздымала восторг неземной!
Что мне делать? – тоска со мной
в эту ночь у пустой колыбели...

Эта комнатка, этот дом,
этот город, что так знаком –
от вокзалов до каждой калитки...

Завтра я соберу пожитки,
расплачусь за беспечный постой
и уеду к тебе, к другой.

А другую тебя не знаю.
И грядущему не доверяю.

1985

* * *

Помнишь нашу комнатку в сумрачном покое?
Весёлые и грустные картинки, облака...
Тихая гитара пела нам с тобою
о нас, о тех, кто с нами, и что жизнь так коротка.

В комнатке порою было мало места
от друзей собравшихся; помнишь ли ты их?
И ни разу не было нам с друзьями тесно
в девяти квадратах, снятых на двоих.

Помнишь? – мы смеялись, пили и грустили...
Что же это, мальчики, девочки мои? –
время пролетело. И почти забыли
мы о том, как были вчера ещё детьми.

Вырастали девочки, мальчики выросли,
набирались храбрости для дальнего прыжка;
разлетались – кто куда, наугад летели
в вечные заботы после «посошка».

...Мы одни с тобою. Разве что порою
из других галактик кто-то позвонит.
Помнишь нашу комнатку в сумрачном покое?
Что ещё, не знаю, нынче нас роднит?

* * *

*Моя судьба, простой ты мне не снишься,
хоть чувствую: в душе я человек простой.*

Кому – фортуна, а кому – иначе.
Горит душа и на сто бед один ответ.
Поверь, мой друг, всё это – не задача.
Ты лишь поверь, и одолеешь сотню бед.

...Ты выбрал правду, как отрёкся от фортуны.
Судьбу за горло не хватал, за что страдал.
Сам не заметил, как прослыл чрезмерно умным,
когда однажды ничего не доказал.

А после клял судьбу отчаянно и пьяно
в полночный час, когда ушёл от суеты.
И плакала стареющая мама
сквозь даль и тьму – так был несчастлив ты.

Как гнев небес сменяется на милость,
спасает мир незримый дух Творца, –
твоя душа с годами укрепилась
для правды и открытого лица.

Да, всё пройдёт. И жизнь твоя промчится.
Какой-то миг. Но с вечною мечтой.
А по весне вновь возвратятся к дому птицы,
к родному берегу из дымки голубой...

Ах, друг мой милый, что бы там ни было,
Есть вещей смысл в правдивых тех словах,
в простых и не наигранных мотивах
и в матушкиных горестных слезах.

Кому – фортуна, а кому – иначе...
(Разнообразны формы суеты).
Поверь, мой друг, всё это – не задача.
Поверь, и ты достигнешь высоты.
Лишь стань зерном спасённой правоты.

Мчатся кони

Памяти В. Высоцкого

Знаем – только раз на свете жить,
и один лишь раз нам умирать,
времени назад не воротить...
Но – разбег! – коня не удержать!

Вольный ветер гриву разметал,
вольный ветер наполняет грудь!
Мчится конь, покуда не устал,
в будущность прокладывая путь.

Воля! Воля! Свет далёких звёзд.
Время! Время! Как за ним поспеть?
Кони мчатся, мчатся, и всерьёз,
падая, надеются взлететь!

Верят в непридуманность свою,
и, не утрашаясь неудач,
мчатся кони в новую зарю,
мчатся кони – вскачь, вскачь, вскачь!..

Можно тлеть спокойно и мерцать.
Или жить, чтоб до конца испить!
Мчатся кони – жить, любить, сгорать!
От любви сгорать, для жизни жить!

1984

* * *

Всем сердцем я пел вам. Не спета ещё
осталась лишь самая малость –
последняя строчка. И всё.
Ни боль, ни любовь, ни усталость.

Одна лишь надежда – заветная даль –
как будто на миг показалась.
Ни радость, ни страсть, ни печаль –
уже ничего не осталось.

Всё так и проходит... Осели на дно
желанья и дымные своды;
и сердце обожжено,
и нет ни любви, ни свободы.

Окончен концерт. Угасает свеча.
Осталась лишь самая малость.
Но ангел мой спрыгнул с плеча.
А сил никаких не осталось...

У порога, над белым листом

Пробудилась в сердце старая тревога
(может, оттого, что я немного пьян).
Предо мной, как прежде, белая дорога
и глаза бездонные, будто океан.

И глядят они в меня с восхищением,
ни на миг не предаваясь сомнениям.
Я и сам когда-то верил,
что смогу открыть все двери –
у порога, у первой черты...

Хватит отдаваться мелочным заботам.
Нужно постараться вылезть из болота.
Хватит унижений, глупых разговоров,
ненадёжных истин, бесполезных споров.

Чьи-то дни проходят без любви, без веры,
кто-то просто хочет беззаботно жить.
Я ж – люблю и верю. Но возвёл химеры.
Дай ума мне, Господи, главным дорожить –

для того, чтобы жить и любить – не по случаю,
а из Вечности пить эту силу кипучую;
кому хочется невозможного,
кто идёт тропой нехоженой –
всем помочь, и понять, и согреть...

Что-то сердце гложет старая тревога
(может, оттого, что я немного пьян).
Предо мной всё та же белая дорога
и глаза бездонные, будто океан.

И глядят они в меня всё с той же верою,
сны не кажутся мои им – химерою.
Но бессилен и печален я,
мысли рвутся от отчаянья –
у порога, над белым листом...

* * *

Утро, вечер и снова – утро...
Этот времени бег неистовый!
Как постичь, удержать минуту?
Как минуту на месте выстоять?

Мне забыться порою хочется.
Как от страха найти спасение?
Видно, злая судьба нам прочится.
Знать, не хватит у нас терпения.

1985

Сон

Целый день до вечера не найти покоя
и, конечно, по ночам тоже не до сна.
То стремишься выдумать что-нибудь такое!
То тревожит – спасу нет – юная весна.

Ну, а нынче я уснул, надоело всё же.
Нужно отдых дать уму, телу отдых дать.
Только, значит, я уснул (Господи мой Боже!),
вдруг кошмарный сон меня стал одолевать.

Снится мне: Огонь и дым. Словно на экране
проплывают предо мной страсти давних лет.
И маячит над немым, мёртвым полем брани
вечно скорбный и родной чей-то силуэт.

Слышу глас из-под земли, будто бы из ада
стон под пыткой Сатаны грешник испустил:
– Вот история твоя, вот моя расплата!
За деяния мои ты б меня простили...

Тихо падает слеза на песок унылый
там, где снова прорастёт вечное зерно.
Будут вновь – огонь и дым, братские могилы,
чей-то скорбный силуэт – так уж суждено.

Предо мной, как наяву, новые картины
проплывают. Боже мой, что же вижу я?
Будьте прокляты вовек, гнусные причины!
Алчность, мерзкое враньё ненавижу я!

Где вчера ещё мой дух пребывал в блаженстве,
где прекрасные мечты ангел мой ласкал –
правят там неправый суд «мудрые» младенцы,
все они – кто голова, а кто – генерал.

Мать Божья! Если б ты видела и знала!
А иначе – как же так, чтобы жизнь – не в грош?
Погляди туда, где Ты Сына потеряла!
Заступись за малых сих! Войны уничтожь!

.....
То ли грёзы поутру обретают формы,
то ли осени рассвет, будто кровь из вен,
окропил мой бледный лик утром непритворным
и предчувствием дурным скорых перемен...

1985

На тропе совести

Вот берег качнулся, растаял вдали.
Прощай, не надейся на скорую встречу.
От первой любви до последней любви
велению совести не перечу.

Я, стадо покинувший, чуждый толпе
и карлик средь скал и обрывов глубоких,
упрямо иду по опасной тропе
людей в этом алчном мире одиноких...

(Ах, сколько вранья и притворства вокруг!
В нелепой вражде сколько крови пролито!
И, кажется, не разорвать этот круг,
хоть Рай недалёк и калитка открыта).

...Что ж, путь их нелёгок. Но надо идти
за синие дали, туманы и вьюги,
сквозь боли и муки на Млечном пути,
сквозь всю бесконечность – спирали и круги.

Не твёрдые камни, не хладные льды,
имён их, быть может, не вспомнят потомки.
Им вовсе не надо платить за труды,
ни похорон и ни почестей громких.

Им незачем клясть за невзгоды судьбу.
Творящий добро о добре не жалеет;
природа не знает ни догм, ни табу –
живёт как живёт и творит как умеет...

Пройди ж сквозь страдания, жизнь онови!
Прощай, не надейся на скорую встречу.
От первой любви до последней любви
велению совести не перечу.

1985

Магадан – Житомир

Наш костёр

*Ты гори, гори мой костер,
Мой товарищ, мой друг, мой попутчик.
Б. Окуджава*

Ночь земли коснулась крылом,
над землёю – звёздный шатёр.
Помолчим, друзья, о былом.
Ты гори, гори, наш костёр.

Память возвратит нас туда,
где сходились наши пути.
И в былые дни сквозь года
ты свети, костёр наш, свети.

Выпала нам дальняя даль,
да темна дорога-стезя.
Но светлеет наша печаль
в этот тихий вечер, друзья.

Утром трубы вновь позовут
выходить с судьбою на спор.
Помолчим хоть пару минут.
Ты гори, гори, наш костёр...

* * *

Спасибо, Жизнь, тебе за всё,
Земля моя, Звезда моя, –
за то, что существую я,
за то, что сердцу горячо,
за безрассудства, за скитанья,
любви светлой ожидания,
за все несбыточные грёзы –
без маски «Смех» и маски «Слёзы»!

* * *

Заплачу – станет сердцу легче.
Расхожусь – душою буду крепче.
Естественно, никем не принуждён,
хочу – смотрю на звёздный небосклон,
на лик луны, хохочущий, кричащий,
рыдающий, безумно в мир глядящий –
на суматоху дней, мельканье лет,
в окно, где проступает силуэт,
бессонный силуэт мой проступает...
Хочу – бреду неведомо куда,
хочу – творю, не ведая когда;
пространству своему не знаю края.
То в сторону, то вверх, то вниз срываюсь,
тоскую и люблю, над бездной оступаюсь...
Я свойством наделён с рожденья и навек –
свободный человек.

* * *

Для любви большой – дали дальние,
трудные пути, ночи тёмные.
Сколько впереди ждёт страданий,
если позади первый шаг!
Чувства сведены в ожидание,
для чужих потех обнажённые, –
грешен, мол, и нет оправданий,
он судьбу решает не так.
Ожидание. Вечность печальная.
Долгожданный час – как мгновение.
Вот и привыкай к ожиданию.
Свет и тьма – лишь вехи в пути.
Для любви большой – дали дальние.
Дай нам, Боже, сил и терпения!
Завтра – к чуждой службе и званию.
Не предай, пойми и прости.

1985

Житомир

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

В саду моих стихов

Хочу вместить в одно мгновенье
мерцанье тайн и мыслей ток.
Будь ясен смысл стихотворенья,
а дух прочтётся между строк.

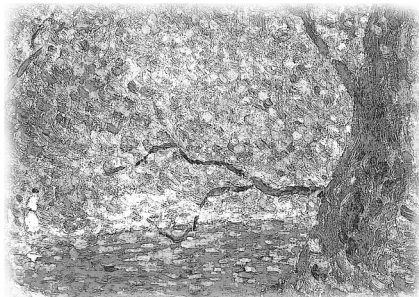
В саду моих стихов не людно,
зане живёт здесь тихий Бог.
Рассвет озвучен с ноты «Ут». Но,
и сумеречной флейты вздох...

В стволах древесных под корою
поэм нескрытых плоть жива.
А плющ! А тмин! Хотя, не скрою,
тут есть и сорная трава.

Мой друг, мой зритель, мой читатель,
судья, ниспосланный судьбой,
твой автор – прост. И скромн, кстатн.
Входи в мой сад, и будь собой.

2015

Киев

* * *

Слава Богу – за стихи,
и что были дни лихи.
А грехи мои – легки,
коль дождусь хоть полстроки!

Право, жизнь моя сладка,
весь набор беру с лотка,
распрямяясь от сохи,
славя Бога за стихи.

Апрель 2017. В имени

Почёсывая грабельками землю,
не покладая мужественных рук,
я болтунов досужих не приемлю
и не ношу жилетку для подруг.

Они меня почти что позабыли.
Когда швыряли камни – я не смог...
И вот я таю в той далёкой были,
где не висел над нами чёрный смог.

Гляжу оттуда – страсти! Мир так тесен,
и суетен, и против естества,
безбожно слеп и мало интересен.
А нынче – прошлогодняя листва...

«Живи один», – промолвил дока Пушкин.
И там, и там – горят костры эпох
да лязгают сдвигаемые кружки,
чтоб кто-то с кем-то жил, а кто-то сдох...

Почёсываю грабельками землю.
Дрозды поют, мой скрашивая сплин.
Безлюдный мир хватаю – не объёмлю,
и, право слово, чувствую – один.

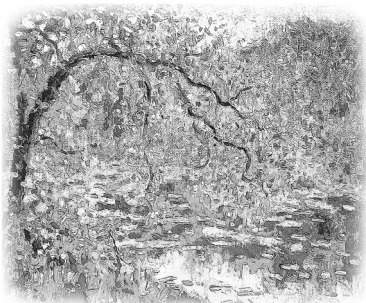
Обращение к другу

«Ты – грустезависим...»

N. N.

Не думай, будто я в незнание –
в чём живопись, и джаз, и ритм
моей души,
какие грани
мой ум оттачивал в тиши...
О тайном не суди поспешно.
Ведь ты – мой друг,
и неспроста
пред миром низменным и грешным
тебе доступна высота.

Я потрясён бываю чувством;
и грусть высокую храня,
пишу тебе не про искусство,
а про открытого меня...

Песня о вере

Я не раб поклонения званьям и почестям,
я не верю деньгам и надменным пророчествам,
я не ведаю истин, сомневаясь в душе,
и во что только, право же, я не верю уже.

Мне смешны уверения мнимых приятелей
и досужие вымыслы «доброжелателей».
И наверное, многое б я потерял,
если б верил во всё, если б всем доверял.

Я не слеп, чтоб не видеть дела бестолковые,
я не глух, чтоб не слышать призывы бредовые.
Пусть на них ярлыки грандиозных идей.
Ну, а я – несознательный, я за честных людей.

И я не верю царям – лжи, тщеславья, безличия.
(Перед Богом Великим все ничтожны величия).
Но я верю, я верю всей душою своей
в доброту и любовь, и, конечно, в детей.

И хоть зло мне пророчит конец мироздания,
я, как вечный закон, не приемлю страдания!
Потому что без веры даже я не могу.
И покуда я жив, я её берегу.

1990

В час негожий

Не делятся женою
ни с другом, ни с врагом.
Но делятся едою
и делятся вином.
И в шумном балагане
на выпавшем веку
не утаи в кармане
понюшку табаку.

Пока полмира мимо
сердечности идёт,
она – хоть как ранима! –
нам духу придаёт.
И крышею, и хлебом,
чем можешь, поделись.
Ведь мы под добрым небом
для жизни родились?

Но есть скупая сытость,
крадущая тень.
Там предана открытость
и страшен новый день.
И Мастер позабытый
хранить огонь устал.
Всё. Нету Маргариты...

А сфера голубая
на волоске висит.
Ей хищных монстров стая
погибелью грозит.
Сквозь пепел и могилы
Глядят глаза детей...
(Ты помни, друг мой милый,
хоть тысячу смертей).

А тех – за грош на плаху
и рубят сгоряча,
или дерут рубаху
последнюю с плеча.

И всё гонимы люди
сквозь полымя и лёд.
Да там ли правда будет,
куда их Рок ведёт?

Став жертвой злему зверю,
надеюсь: правда есть.
Но всем ли я поверю,
кто скажет: «Правда здесь»?
И ты не будь уверен,
что пересилишь Рок,
коль не перепроверен
и вдоль, и поперёк.

Весь Мир – из параллельных
миров, мирков и сот.
И надо всем – в пастельных
тонах небесный свод.
А там... лишь бездны шорох
да безответный зов...

И потому мне дорог
дающий хлеб и кров.

И выйдя в час негожий
из дому, потому
хочу я быть не строже,
а чутче ко всему.

Хочу тебе поверить
ещё раз и ещё...
Открыть, вернувшись, дверь и
склониться на плечо.

1999

Жена

Я не один. Тебя я слышу, рядом,
и вижу мир, который видишь ты.
То плеч моих коснёшься снегопадом,
то дождиком зашепчешь про мечты.

Вдруг ослабею в непрекрасный день я,
замкнусь в себе, жизнь отшатнётся прочь, –
лишь ты одна – источник исцеленья,
и встану я, чтобы тебе помочь.

И выйду мастерить, и покажу тебе, что
я сделал, эликсир твой пригубя.
Увижу, как ты радуешься. Нешто
уж мне не быть, когда люблю тебя?

Ты знаешь, что дарить себя – есть счастье,
что не опасно веровать в любовь.
И я пишу, – приявши как причастье,
всё то, что ненапрасно – вновь и вновь.

Вот мы молчим. Но ты всё слышишь, рядом.
А вот – весна, за окнами капель.
Сегодня флейта пела, как наяда.
Ты загрустила, слушая свирель.

Ах, друг мой, что поделаешь? – природа.
Что ж, я с тобою, близко, позови.
Но и когда мы спрыгнем с небосвода,
не смолкнет флейта вечная любви.

Мне снился мир другой. Мы шли на рынок.
Мы, щедрые, ценили честный грош...
Но только в этой жизни, без поминок,
ты будешь рядом и не упадёшь...

Зачем пишу? Скажи мне, разве нужен
бумаге этот непонятный стих?
Ах, ты всегда великодушна, – с мужем.
И я, его дописывая, стих.

2023

* * *

Какое счастье жить на этом дивном свете,
любовию дыша и щедрюя добром!
Блаженство ощутить, проснувшись на рассвете,
и душу напоить пьянящим естеством.

Дышать! И пить настой густых туманов,
отныне – и навек поверить в чудеса,
поверить в чистоту, отречься от обманов,
когда в ладонь падёт прозрачная роса.

В ней – неба глубина и трепетная нежность,
и первый солнца луч, сияющий в тиши,
и бренность бытия, и смерти неизбежность,
и вечная печаль возвышенной души.

Ну как тебя сберечь, о, хрупкое создание,
слезинка на краю у собственной судьбы?
Я постигаю вдруг величье Мироздания
и страх перед лицом бессмысленной борьбы.

Всё – ложь и суета, порочные искони!
Что может быть святей и праведней её –
сей капельки росы, лежащей на ладони?
Лишь только в ней одной спасение моё...

1989

Ответ

сыну Глебу

Личное – узкая сфера,
всё остальное отбрось...
Но до какого ж размера
нынче оно разрослось!
Каждому сроку – старенье.
Сердцем ищущи благодать.
Юности острому зренью
нынешних дней не видать.

Сын мой, товарищ и брат мой,
я уже начал ответ.
Боже мой, как неохватно
личное в зрелости лет!..

2013

Напутствие

Любви не изменяют,
когда она любовь.
Добра не забывают,
чтоб жизнь продлилась вновь.

Друзей не называют
до рокового дня.
Судьбу не проклинают –
она сама судья.

Сердце не закрывают,
сражаясь против зла.
Мечту не убивают,
когда она светла.

Греха не искупают,
не осознав вины.
Ко лжи не привыкают,
дожив до седины.

Людской души истока
никак не исчерпать.
Нет праведней урока –
не брезгуя, прощать.

Без совести нет чести,
без дела нет рубля.
И нет земли, дитя моё,
роднее, чем твоя.

1986

Не клюёт

*Я часто Бога беспокою;
Но он так благ, что мне в ответ
Шлёт вечно что-нибудь такое,
Чем я утешен и согрет.*

Пьер-Жан Беранже

Два вечера подряд гляжу на поплавки,
погода шепчет – ставить перемёт.
Доест меня комар! Но шансы велики
на карасёвый клёв. А не клюёт.

Гляжу с мольбою в пруд: карасик роет ил,
вдруг пустит пузырьки, покажет рот.
Перловка – лучший вкус, червяк – танцует, мил,
бери его, хватай! А не клюёт.

Стихов моих штук пять прочитано уже,
а в том году на них был рыбный слёт,
клевали караси! Теперь им – Беранже,
даже Пушкина читаю – не клюёт.

Меняется народ, и рыбка – вся как мы.
На что её ловить? На самолёт?
На Пушкина вчерась какие шли сомы!
А нынче и карасик не клюёт.

2016

Молитва

М. К.

*Будет день, заря взойдёт у края,
снова – путь, заботы и родня...
Боже, не покинь мя, понимая,
на закате прожитого дня.
Огради от лжи и суесловья,
в памяти и в разуме храни.
Ангел-брат и вечный друг любовью
да пребудут с нами в наши дни.*

Гаснет свет, небес густеют лики.
На закате прожитого дня,
Господи, прошу Тебя, Великий,
пожалей всех слышащих меня.
Я ль не говорю про несказанность,
чьи глаза бездонны и тихи...
Но глядит судеб людских туманность
на меня, поющего стихи.

Человек судьбы своей не знает.
Вдруг
 уходит друг –
 твой светлый князь.

Где-то плачет женщина родная,
где-то ходит злоба, не таясь.
Кто упал без воли и без силы,
кто не видит правды на Руси...
Господи, прошу тебя, помилуй,
всякого упавшего спаси!

Дни мои текут, вливаясь в Лету,
голос мой оставлю вам, друзья.
Господи, дай мудрости поэту
петь о том, о чём не петь нельзя.
Может, я был чуждым имяреку,
может, я и пел не горячо,
только бы к родному человеку
ангел возвратился за плечо.

ЭЛЕГИЯ ДОЖДЯ

«Не спеши ты с юностью прощаться».....	2
Голубые дали детства.....	2
«Я распрощался с милою рощей».....	3
«Ветер осенний листок закружил».....	4
«Вот и декабрь».....	4
Птица-дэвица (поэма-феерия).....	5
«Одинок, смятён и просто жалок...».....	8
«Осенним вечером дождливым, сумрачным...».....	8
«Моя судьба, простой ты мне не снишься».....	8
«И присно, и вовеки светел мир, когда...».....	9
«Что бы было, если бы наши убеждения...».....	9
«Там, где не поднят, лежит он по-прежнему...».....	9
«Как тревожны все пути и опасны...».....	9
«Непросто жить, мой друг, не изменяясь».....	10
«Как любим мы произносить...».....	10
«...А есть ещё, брат, мудрецы...».....	11
«Зазря корить себя грешно...».....	11
На параде.....	12
«Вообще-то я был бы не против...».....	12
«Сколько проходит народа...».....	12
Гадание.....	12
Сумасшедший.....	13
Сомнение.....	13
Жизненное.....	13
Баба Зина и трепачи.....	14
В поезде жизни.....	14
«Повсюду зыбь и всюду хмарь».....	15
Старик и парус.....	16
На кладбище.....	17
«Мы вдохновляемся ветрами...».....	17
«Вся жизнь – театр...».....	18
«Вчера я тебя увидел опять».....	19
«Стою у окна».....	19
«Вот снова дождь».....	20
Прелюдия к дождю.....	20
«Мои дожди, прошедшие когда-то...».....	22
Элегия дождя.....	22
Из юности.....	23
Песенка о кораблях.....	24

Ещё одна песенка («Разные, разные люди...»)	24
Печалинки	25
«Когда рассвет из бездны вод прольётся...»	26
«В городской толкотне люди мечутся»	26
Провинциальная песенка	27
«Любимая! Беспамятно. Напрасно...»	28
«Прошла весенняя оттепель»	28
«В сгущённой вечерней мгле...»	29
«Когда вечер лицо твоё спрячет...»	29
«Ночь кружит над городом»	30
«Пишу тебе письмо»	30
«Помнишь? – тополиным пухом...»	30
«Потерплю чуток – и в деревню»	32
В витрине	33
У подъезда	33
«Я не пьян и сам сойду с порога»	34
Прощание	34
«Ты не говори, что всё напрасно»	35
«Домик невзрачный, пустынный приют»	35
«Мне сказал мудрец...»	36
В оркестре	37
Песенка про чёрную кошку	38
Песенка о Законе Ньютона	39
Песенка-авиазарисовка «Магадан – Москва»	40
Песенка-тост	41

Надпись в двухчастной форме на обороте фотографии одной юной особы

В Париж – В. В. Маяковскому, о сущности всё той же любви	41
В том же духе	42

Песенка про Маню по прозвищу «Житомир – Кострома», или Монолог подвыпившей женщины возле пивбара

«У тёти Брони» в Житомире	42
«Дни проходят, отлетают снами»	43
А юность уходит	44
Последняя ночь на квартире	44
«Помнишь нашу комнатку в сумрачном покое?»	45
«Кому – фортуна, а кому – иначе»	46
Мчатся кони	47
«Всем сердцем я пел вам»	48

У порога, над белым листом.....	49
«Утро, вечер и снова – утро...».....	50
Сон.....	51
На тропе совести.....	52
Наш костёр.....	54
«Спасибо, Жизнь, тебе за всё».....	55
«Заплачу – станет сердцу легче».....	55
«Для любви большой – дали дальние».....	56

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

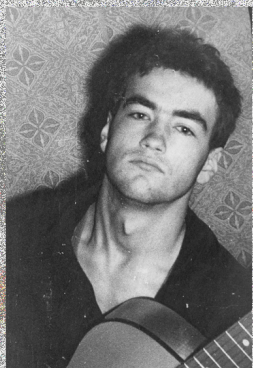
В саду моих стихов.....	57
«Слава Богу – за стихи».....	58
Апрель 2017. В имени.....	58
Обращение к другу.....	59
Песня о вере.....	60
В час негожий.....	61
Жена.....	63
«Какое счастье жить на этом дивном свете».....	64
Ответ.....	66
Напутствие.....	66
Не клюёт.....	67
Молитва.....	68

Олег РУБАНСКИЙ
Элегия дождя
Стихи

rubanski.at.ua

Обложка, иллюстрации и верстка: Р. Чудновский

Киев 2023

Олег Рубанский – киевский поэт и композитор, музыкальный педагог, создатель многих творческих проектов. В настоящую книжку вошли преимущественно ранние стихотворения автора.